
ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже четверть века прошла с тех пор, как в 1973 г. решением Уральского отделения Археографической комиссии Академии Наук СССР на историческом факультете Уральского государственного университета была создана археографическая экспедиция. Уже на следующий год уральские археографы (совместно с московскими) проложили свой первый маршрут по Свердловской области, а в 1980 г. в УрГУ был открыт музей книги. Новый центр полевой археографии, поддержанный учеными обеих столиц и Новосибирска, стартовал стремительно: быстро расширялся регион поисков, состав участников, списки уникальных древних книг, приобретенных в экспедициях. Поиск древних русских рукописных и старопечатных книг, как всегда, был самым тесным образом связан с их углубленным изучением. Становление уральского археографического центра неизбежно влекло за собой энергичное развитие целого комплекса гуманитарных дисциплин, давно уже далеко не чуждых университетскому Уралу, но теперь нуждавшихся и в новом уровне, и в новых направлениях развития. Помощь таких известных московских и питерских специалистов, как И.В.Поздеева и А.Х.Горфункель, стала на первых порах неоценимой, но главное – был мощный внутренний запрос на эту помощь, на эти знания. И пора ученичества оказалась поэтому на удивление краткой. Немалая заслуга в этом принадлежит первому и весьма энергичному руководителю уральской полевой археографии Р.Г.Пихое.

Сначала уральцам надо было в совершенстве овладеть теми узкими археографическими дисциплинами, без коих не прочесть древнюю книгу, не атрибутировать, не датировать ее, тем более в полевых условиях, в крестьянской избе. Надо было глубже, чем это обычно делали студенты-историки, изучить палеографию, филиграноведение, методику определения старопечатных и рукописных книг. Но это было только начало. Как правильно подчеркивал Д.С.Лихачев, «археографы, занимающиеся рукописной книгой, так или иначе сталкиваются со всем миром в представлениях людей,

создающих книгу». Участники археографических экспедиций овладевали поэтому историей общественного сознания и культуры российского общества – его верхов и его низов. И прежде всего следовало знать куда лучше, чем это допускалось в советском вузе, историю православия, его вероучение, обряды, литургику, книжную культуру. И причем задолго до нынешней весьма поверхностной моды на все это, в условиях, когда подобное любопытство отнюдь не способствовало нормальной научной карьере, а совсем наоборот.

Посещение старообрядческих домов в поисках древних книг требовало от уральских археографов глубокого уважения к вере их обитателей, к их истории, литературе, и понятно, что многие хорошие полевые работники быстро стали известными специалистами в соответствующих разделах историко-филологической науки.

Некоторые темы разрабатываются археографами Урала особенно дотошно и результативно. Это самая ранняя история распространения старообрядчества на востоке России – во времена Алексея Михайловича и протопопа Аввакума, первых старообрядческих идеологов, в демидовскую и татищевскую эпоху Урала, во второй половине XVIII и первой половине XIX столетий. Это изучение истории русского книгопечатания в весьма широком хронологическом диапазоне – ибо таков диапазон уникальных находок старопечатных книг уральскими археографами. Особо отметим здесь важные новые знания, связанные, во-первых, со временем конца Смуты и начала правления первого Романова и, во-вторых, с малоизученными тайными типографиями старообрядцев XVIII в.

Большой пласт сочинений старообрядческих народных мыслителей стал известен археографам Урала и Сибири как в результате полевой работы, так и в ходе целенаправленных архивных поисков. Имена некоторых из них сначала удалось обнаружить мне еще в первой моей сибирской экспедиции 1966 г., но уральские археографы значительно расширили и сам список этих имен, и перечень их сочинений, и наши сведения о судьбе авторов, об их взглядах. Все это открыло новые возможности для исследования важных констант народного сознания, общего и особенного в этой малоизученной сфере отечественной истории. На Урале хорошо прослеживаются многие общерусские закономерности развития народного общественного сознания (например, исследованные К.В.Чистовым и

А.И.Клибановым), но отчетливо заметны и региональные особенности, связанные, в частности, со спецификой горнозаводского хозяйства и приписной деревни, с колонизацией края и бытованием здесь часовенного и других старообрядческих согласий.

Одна из самых интересных исследовательских проблем в этом плане – это сочетание традиций и новаций в народном религиозном сознании. Традиционность мышления, аргументации, быта, литературы низов социума – явление общее, но реалии новых времен нередко имеют ясно выраженный местный колорит.

Интересно изучать на материале, добытом уральскими и сибирскими археографами, как, например, в конце Петровской эпохи для решения важных внутренних вопросов жизни местных общин часовенных мобилизуется авторитетный пласт святоотеческой литературы, как трудовой характер этих общин подкрепляется высказываниями Ефрема Сирина и аввы Дорофея. Идущие от переосмысления православного византийского наследия остроактуальные эсхатологические теории опираются на таких православных классиков украинской полемики с католиками XVI – XVII вв., как Стефан Зизаний и Захарий Копыстенский.

Еще в середине 1960-х гг. полевым археографам стали ясны те немалые преимущества, которые даст комплексное изучение народной культуры, быта, книжности как единого целого. Родившаяся из этого понимания идея комплексности археографических экспедиций была проста для формулирования, но непроста в осуществлении. К счастью, у уральских археографов хватило упорства и настойчивости для ее неуклонного претворения в жизнь. Работа историков-книговедов и филологов постоянно сочетается с исследованиями этнографическими, музыковедческими, с изучением истории живописи, мелкой пластики. Это всегда хорошо видно на конференциях, проходящих на Урале, это определяет состав публикуемых уральскими археографами научных сборников, включая и настоящее издание.

И, наконец, еще одна особенность всегда бросается в глаза даже тем исследователям, для которых уральская археография не является столь близким делом, как для меня. На Урале отлично понимают, что ученые, изучающие народную старообрядческую культуру и общественное сознание, являются (как и полевые исследова-

тели других научных профессий) своеобразным братством. Это особое чувство товарищества, сплотившее самих уральских археографов, объединяет их и с учеными других научных центров. И оно даст нам всем надежду пережить трудные времена, отвратив угрозу корням отечественной нашей культуры.

Н.Н.Покровский

* *
*

Сборник статей, посвященный 25-летию археографических экспедиций Уральского университета, показателен как свидетельство и высокого уровня развития современной отечественной археографии, и значения, которое придают на Урале этой сфере науки и культуры.

Мне довелось быть участником Первой международной конференции «Проблемы изучения и издания памятников славяно-русской письменности позднего средневековья», которая проводилась в Свердловске в мае 1990 г. Эта была убедительная демонстрация того, что главный город Урала, славный своими физиками и инженерами, становится и одним из средоточий работы по выявлению, собиранию, описанию, изданию и исследованию памятников письменной культуры Руси и что — преимущественно на базе Уральского университета и под руководством Р.Г.Пихои (тогда проректора университета и руководителя организованной им Археографической лаборатории) — образовалась уже крепкая школа подвижников и специалистов такой работы, открывших нам ранее малоизученный мир многообразной народной культуры Урала и Приуралья. Стало ясно и то, что у археографов Урала, к тому времени уже активно участвовавших во всех археографических начинаниях в масштабах страны, установились взаимообогащающие творческие связи с учеными других археографических центров и этим ученым есть чему поучиться у уральцев.

Конференция 1990 г. была первой международной конференцией, проводимой в городе, считавшемся до того «закрытым», и стала для уральцев, особенно молодых, первым знакомством с иностранными учеными, а для тех — с корневой культурой России и